

Жан Жак Руссо

1712–1778

В 1725, после испытательного срока в конторе нотариуса он стал учеником гравера. В 1728 бежал от мастера и по протекции молодой новообращенной католички г-жи де Варанс определился в семинарию в Турине, был обращен и несколько недель спустя стал слугой в доме г-жи де Верселис. После ее смерти, когда производили опись имущества, Руссо украл маленькую ленту и, уличенный, заявил, что лента досталась ему в подарок от горничной. Наказания не последовало, но позже он признавался, что проступок был первой побудительной причиной приняться за *Исповедь* (*Confessions*). Побыв лакеем в другом аристократическом доме и не соблазнившись возможностью добиться повышения, Жан-Жак вернулся к г-же де Варанс, которая поместила его в семинарию для подготовки к духовному званию, однако он больше интересовался музыкой и был изгнан из семинарии уже через два месяца. Органист собора взял его к себе учеником. Через полгода Руссо сбежал и от него, сменил имя и странствовал, выдавая себя за француза-музыканта. В Лозанне он устроил концерт из собственных композиций и был осмеян, после чего жил в Невшателе, где обзавелся несколькими учениками. В 1742 уехал в Париж с багажом, состоявшим из изобретенной им нотной системы, пьесы, нескольких стихотворений и рекомендательного письма от настоятеля кафедрального собора в Лионе.

Его нотная система не вызвала интереса. Пьесу не хотел ставить ни один театр. Деньги уже кончались, когда некий сердобольный иезуит ввел его в дома влиятельных дам, с состраданием выслушавших стихи о перенесенных им бедствиях и пригласивших приходить к обеду всякий раз, как ему вздумается. Он свел знакомство со многими видными деятелями, писателями, учеными, музыкантами, включая блестящего юного Д.Дидро, будущего главу *Энциклопедии*, который вскоре сделался его близким другом. В 1743 Руссо стал секретарем французского посланника в Венеции, уволившего его уже на следующий год. Вернувшись в Париж, он пылал возмущением против аристократов, не пожелавших за него вступить. Сцены из его оперы *Влюбленные музы* (*Les Muses galantes*) с успехом ставились в салоне г-жи де Лапуплиньер, жены сборщика налогов. Примерно в эту пору у него появилась любовница – служанка Тереза Левассер, которая, по его признанию, родила пятерых детей (1746–1754), отданных в воспитательный дом.

В 1750 *Рассуждение о науках и искусствах* (*Discours sur les arts et les sciences*) принесло ему премию Дижонской академии и нежданную славу. В трактате утверждалось, что повсюду цивилизация привела к моральному и физическому вырождению людей, и только народы, сохранившие свою первозданную простоту (Руссо не приводил примеров), остались добродетельными и сильными; далее было сказано, что плодами прогресса всегда оказываются нравственная порча и военная слабость. Это радикальное осуждение прогресса при всей своей парадоксальности не являлось чем-то новым, однако вновь были стиль Жан-Жака и его тон, вызвавшие, по свидетельству современника, «почти всеобщий ужас».

Дабы жить в согласии со своими принципами, он выработал программу «независимости и бедности», отказался от предложенной ему должности кассира в финансовом ведомстве и переписывал ноты по десять сантимов за страницу. К нему валили толпы посетителей. Он отказывался от всех (или почти от всех) подношений. Его комическая опера *Деревенский колдун* (*Le Devin du village*) была исполнена в Фонтенбло в присутствии короля, и на следующий день ему надлежало появиться при дворе. Хотя это означало, что ему будет назначено содержание, он не пошел на аудиенцию. В 1752 была представлена пьеса *Нарцисс* (*Narcisse*), с треском провалившаяся. Когда Дижонская академия предложила в качестве конкурсной темы «происхождение неравенства», он написал *Рассуждение о неравенстве* (*Discours sur l'inégalité*, 1753), где самым счастливым периодом за всю историю человечества вплоть до современных общественных форм были названы первобытные времена. Все свершившееся после племенной стадии подвергалось осуждению за то, что укоренилась частная собственность и большинство обитателей Земли стали ее рабами. Нередко высказывая фантастические суждения о прошлом, Жан-Жак хорошо знал, каковы условия настоящего. Он раскрыл сокровенную сущность деградирующего общественного устройства, которая заключена в противоречии между «жизнью большинства, протекающей в бесправии и нищете, тогда как горстка власть имущих находится на вершине славы и богатства». Последовали ответы несогласных, и в завязавшейся дискуссии Жан-Жак продемонстрировал качества великолепного полемиста.

Посетив Женеву и вновь сделавшись протестантом, Руссо принял в дар от г-жи д'Эпине, с которой познакомился несколькими годами ранее, домик в долине Монморанси – «Эрмитаж». Безответная любовь к ее свояченице г-же д'Удето, а также ссоры между г-жой д'Эпине и Дидро заставили Руссо отказаться от мечты об уединении; в декабре 1757 он перебрался на близлежащую полуразрушенную ферму Монлуи. Его *Письмо Даламберу о театральных представлениях* (*Lettre d'Alembert sur les spectacles*, 1758), в котором с осуждением говорилось о попытках Вольтера устроить театр в Женеве, а спектакли назывались школой аморальности как личной, так и общественной, вызвало со стороны Вольтера стойкую неприязнь к Руссо. В 1761 была напечатана *Юлия, или Новая Элоиза* (*Julie, ou la Nouvelle Héloïse*), в 1762 – *Общественный договор* (*Le Contrat social*) и *Эмиль, или О воспитании* (*Emile, ou de l'Education*).

Развиваемая в *Эмиле* деистическая доктрина навлекла на Руссо гнев католической церкви, а правительство распорядилось (11 июня 1762) арестовать автора. Руссо бежал в Иверден (Берн), затем в Мотье (находился под властью Пруссии). Женева лишила его прав своего гражданина. Появившиеся в 1764 *Письма с горы* (*Lettres de la montagne*) ожесточили либерально настроенных протестантов. Руссо уехал в Англию, в мае 1767 вернулся во Францию и после скитаний по многим городам в 1770 объявился в Париже с законченной рукописью *Исповеди*, которая должна была поведать потомкам истину о нем самом и о его врагах. В 1776 были закончены *Диалоги: Руссо судит Жан-Жака* (*Dialogues: Rousseau juge de Jean-Jaques*) и начата самая захватывающая его книга *Прогулки одинокого мечтателя* (*Reveries du promeneur solitaire*). В мае 1778 Руссо уединился в Эрменонвиле, в коттедже, предложенном ему маркизом де Жирарденом, и умер там от апоплексического удара 2 июля 1778.

Наследие Руссо необычайно по своему разнообразию и по степени оказанного им влияния, хотя его воздействие в немалой степени определялось неверным восприятием или же тем обстоятельством, что идеи, характерные для одного произведения, считали представляющими его учение в целом. Как просветители, так и немецкие авторы, принадлежавшие к движению «Буря и натиск», приняли его бунт против условностей и поверхностных суждений за неприятие цивилизации и законности как таковых. «Благородный дикарь», нигде у Руссо не упомянутый (и, разумеется, не превозносимый), долгое время ошибочно считался воплощением его идеала. С другой стороны, его *Общественный договор* было принято трактовать как предвосхищение идеологии тоталитарных режимов. Но Руссо как апологет тоталитаризма – такой же миф, что и Руссо-пропагандист опрощения. Сам он неизменно подчеркивал единство своей доктрины: человек, который по природе добр, должен познать эту природу и довериться ей. Подобное невозможно в обществе, где верховное значение придают рациональности и умственным выкладкам. Ранние трактаты Руссо при всех их крайностях и бросающейся в глаза односторонности проторяют путь к его зрелым сочинениям. Какие-то проявления неравенства неизбежны, поскольку они естественны, но существует и противоестественное неравенство, например резкие различия в степени благосостояния, и оно должно исчезнуть. Человек вынужден существовать в иерархическом обществе, где добродетелями признают то, что на самом деле является пороком: обходительность, основывающаяся на лжи, презренная забота о своем положении, не знающая удержу жажда обогащения, стремление приумножать собственность. В *Эмиле* Руссо обрисовывает целую программу, названную им «негативным воспитанием», которая, он убежден, покончит с поклонением ложным богам. Наставник (ясно, что это идеальный портрет самого Руссо) воспитывает Эмиля в уединении, дабы ему не привились пагубные понятия, и обучает по методу, обеспечивающему развитие заложенных в нем способностей. Нет и следа пренебрежения умственным ростом, но, поскольку из всех человеческих дарований интеллект формируется последним, он позже всего остального должен становиться предметом внимания и забот воспитателя. Глупо, занимаясь с ребенком, даже касаться моральных или религиозных вопросов, ведь это значило бы обращаться с учеником как со взрослым человеком. Таким образом, вовсе не являясь приверженцем иррациональности, Руссо настаивает на том, что развитию интеллекта необходимо уделить должное внимание, но лишь на той стадии, когда это может иметь смысл. Пока ребенок растет, не следует позволять ему механически затверживать непонятные вещи; он должен из опыта постигать то, что способен понять. Руссо настойчиво говорит о том, что у ребенка велика жажда самовыражения. Религиозное воспитание необходимо начинать на поздней стадии, когда ребенку уже открылись чудеса вселенной. Такое воспитание не должно становиться заучиванием догм и ритуалов, но призвано привить ребенку естественную религиозность, которую мог бы признать и уважающий себя взрослый человек. Одно из самых прославленных мест в *Эмиле* – страстный деистский трактат, известный под названием *Исповедь савойского викария*; он больше

других сочинений Руссо нравился Вольтеру, а Робеспьер впоследствии основывал на этом трактате свою «религию добродетели».

Эмиль не касается политики, однако эта книга незаменима для понимания политической теории Руссо: Эмиль – человек, призванный существовать в правильно устроенном обществе, описанном Руссо в *Общественном договоре*. Ни прославления индивидуализма, ни апофеоза коллективизма в этом трактате нет. Основная его мысль заключается в том, что личность должна обладать самостоятельностью, устанавливая законы, соответствующие ее устремлениям. Руссо утверждал, что общественный договор заключают зрелые годами граждане, которые готовы возложить на себя бремя гражданских обязанностей. Этот договор воплощает знаменитый парадокс Руссо: вступая в общество, человек утрачивает все свои права, однако в действительности он ничего не теряет. Предложенное Руссо решение состоит в том, что человек должен выступать и как субъект, и как создатель законов. Тем самым он на поверку подчиняется лишь себе самому.

Руссо неизменно выступает как демократ: разумным и правильным является лишь такое общество, все члены которого участвуют в создании законов, т.е. обладают важнейшим из прав. Прямые формы демократического устройства Руссо предпочитал принципу представительного правления, подобного английскому, однако его писания, посвященные Польше и Корсике, показывают, что он отдавал себе отчет в необходимости разных политических институтов для разных типов общества. Совершенно ясно, что общество, как его представлял себе Руссо, способно функционировать только при том условии, что граждане, являющиеся и законодателями, осознают и принимают свои гражданские обязанности. Общество истинных граждан выражает истинные общественные интересы, выражая «общую волю» этих граждан. Вопреки бытующему мнению, Руссо не хотел всемогущего государства, видя в государстве только инструмент для осуществления целей коллектива людей. Так, по убеждению Руссо, могло бы быть окончательно разрешено противоречие между свободой и властью.

При том что Руссо не проповедовал опрощения, а законы превозносил как великую силу воспитания, некоторые из наиболее читаемых его произведений действительно прославляют простые добродетели, жизнь среди природы и живописные естественные ландшафты. *Новая Элоиза* – любовный роман, где грех искупается самоотречением героев, и эта история, растянувшаяся на много страниц, изобилует пленительными описаниями прогулок на природе, сельских праздников, простой пищи и питья. В своем романе, как и в некоторых более мелких произведениях, Руссо восхваляет нравственную красоту простой жизни и непритворную добродетель. Общество, приверженное этикету и искусственности, хотя и уставшее от них, восприняло книги Руссо как откровение.

Знаменитые автобиографические сочинения Руссо зовут человека познать свою собственную природу. *Исповедь* содержит глубокий анализ душевных побуждений Руссо и описание, не во всем достоверное, его злоключений. Чувствительность Руссо, его тщеславие под маской самоуничижения, его мазохизм, явившийся причиной целой серии травмирующих любовных эпизодов, – все это явлено читателю с почти беспримерной доверительностью, непосредственностью и болезненной пронизательностью. Довольно тривиальны восторги перед тонкой душевной организацией Руссо, оказывающегося в этом смысле предтечей романтического века, но бесспорно, что немецкие и английские романтики были его фанатичными почитателями. Вместе с тем это была душевная организация, достаточно характерная для эпохи Просвещения, представленной, среди прочих, Дидро, и она вызывала восхищенный отклик у таких чуждых романтизму людей, как Кант, а также и у таких поборников всего классического, как Гёте.

Романтическое переживание мира составляет часть философии Руссо, однако его мысль носит более всеобъемлющий характер. Он повсюду напоминает, что человек по природе добр, но развращен установлениями общества, и что он всегда ищет более высокого самосознания, которое обретет лишь в кругу свободных людей и посредством разумной религиозности. Совокупный комплекс идей, выраженных в творчестве Руссо, т.н. «руссоизм», повлиял на развитие европейской мысли и литературы второй половины 18 – первой трети 19 в. (соответственно сентиментализм, предромантизм, романтизм).